

Научная статья / Research Article

УДК 903.02(571.151):930.24

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-07)

EDN: OCLAYQ

КЕРАМИКА И ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Надежда Федоровна Степанова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
nstepanova10@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>

Резюме. В статье представлены результаты изучения афанасьевской керамики из Горного Алтая и Среднего Енисея, где в общей сложности найдено около 500 сосудов. Исследования проведены в рамках историко-культурного подхода. Все сосуды разделены по форме дна на изделия с острым, круглым и плоским дном. Наиболее многочисленными оказались сосуды яйцевидной формы с острым дном. Сосуды с плоским дном составляют меньшинство и различаются между собой по многим признакам (форме тулова, размерам дна, пропорциям, высоте венчиков, орнаменту). Более 70% из них похожи на обычные афанасьевские, основное отличие — наличие плоского дна. Плоскодонные изделия разделяются на несколько типов и большое число вариантов. Такое разнообразие говорит о появлении у афанасьевского населения новых форм посуды и навыков ее изготовления, которые еще не стали доминирующими. Результаты изучения керамики свидетельствуют об относительно непродолжительном промежутке времени, когда были созданы эти коллекции керамики. Сходство между афанасьевскими керамическими комплексами алтайского и енисейского локальных вариантов афанасьевской культурно-исторической общности ставит вопрос о близком по времени появления этого населения в Горном Алтае и на Енисее.

Ключевые слова: афанасьевская культура, Горный Алтай, Енисей, керамика, сосуд, орнамент, традиция, навыки, хронология

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая», проект № (FZMW-2023–0009) Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации.

Для цитирования: Степанова Н.Ф. Керамика и проблемы хронологии афанасьевской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 4. С. 118–137. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-07)

CERAMICS AND PROBLEMS OF CHRONOLOGY OF THE AFANASIEVO CULTURE

Nadezhda F. Stepanova

Altai State University, Barnaul, Russia;
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
nstepanova10@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>

Abstract. The article presents the results of the study of Afanasievo ceramics from the Altai Mountains and the Middle Yenisei, where a total of about 500 vessels were found. The research was conducted within the framework of the historical and cultural approach. All vessels are divided in the shape of the bottom

into products with a sharp, round and flat bottom. The most numerous were vessels of ovoid shape with a sharp bottom. Flat bottom vessels are a minority and differ among themselves in many features (body shape, bottom size, proportions, crown height, ornament). More than 70% of them are similar to the usual Afanasiev, the main difference is the presence of a flat bottom. Flat-bottom products are divided into several types and a large number of variants. This diversity indicates the emergence of new forms of dishes and skills in its manufacture in the Afanasyevo population, which have not yet become dominant. The results of the study of ceramics indicate a relatively short period of time when these collections of ceramics were created. The similarity between the Afanasiev ceramic complexes of Altai and Yenisei local variants of the Afanasiev cultural and historical community raises the question of the near-time appearance of this population in the Altai Mountains and the Yenisei.

Keywords: Afanasiev culture, the Altai Mountains, Middle Yenisei, ceramics, vessel, ornament, tradition, skills, chronology

Acknowledgments: the research was carried out within the framework of the project “Interdisciplinary Study of Ancient and Medieval Societies of Altai”, Project No. (FZMW-2023–0009) of the State Assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

For citation: Stepanova N.F. Ceramics and Problems of Chronology of the Afanasiev Culture. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(4):118–137. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-07)

Введение
Абсолютная хронология афанасьевской культуры основана на радиоуглеродных датах и в целом определяется с XXXI по XXV в. до н.э. Согласно этим датам енисейский вариант моложе горноалтайского (XXXI–XXIX вв. до н.э. и XXIX–XXV вв. до н.э.), а период сосуществования совпадает в течение одного века, т.е. наиболее поздние горноалтайские памятники оставлены в одно время с ранними енисейскими (Поляков, Святко, Степанова, 2019). В целом 600 лет — это достаточно долгий период и подразумевает развитие культуры и выделение этапов.

Ранее исследователи пытались на материалах афанасьевских памятников Горного Алтая выделить этапы или ранние и поздние памятники. При этом точки зрения на датировку одних и тех же памятников были противоположными (Киселев, 1951; Хлобыстина, 1975; Цыб, 1980, 1984). В настоящее время, несмотря на увеличение количества раскопанных объектов, определить признаки, на основании которых можно было бы выделить этапы в развитии афанасьевской культуры, фактически не удастся. В целом не вызывает дискуссий поздний характер таких черт, как положение погребенных на правом боку, появление курильниц, хотя по поводу датировки плоскодонной керамики мнения расходятся (Цыб, 1980, 1984; Степанова, 20126). Анализ погребального обряда афанасьевских памятников Горного Алтая установил, что положение погребенных на правом боку характерно преимущественно для женщин и детей (Степанова, 2008). В женских и детских захоронениях чаще находят и шаровидные сосуды (Степанова, 2005). Пока сложно сказать, с чем связано совпадение этих черт, но оно не противоречит предположению, что эти погребения могут быть относительно поздними.

В связи с тем, что выделение «поздних» признаков остается сложным, особый интерес представляет керамика, в частности плоскодонная, которая, по мнению ряда исследователей, относится к поздним явлениям в афанасьевской культуре. В частности, наличие разных способов крепления плоского дна у сосудов позволило высказать мнение

о заимствовании этой традиции афанасьевскими гончарами, и о том, что объекты, где найдена плоскодонная керамика, могут быть более поздними (Степанова, 2012б). Чтобы ответить на вопрос, можно ли относить плоскодонную керамику к поздним явлениям для афанасьевской культуры, необходимо провести сравнительный анализ этой группы керамики с остродонной и круглодонной посудой, выявить, относятся ли эти сосуды к гибридным формам, достаточно ли признаков, на основании которых эту группу посуды можно считать поздней для афанасьевской культуры.

Если традиция изготавливать посуду с плоским дном была заимствована или же такая керамика изготовлена не афанасьевскими гончарами, то это должно отразиться на внешнем облике сосудов, в частности, они будут более разнообразны по формам, оформлению разных деталей, орнаменту. Если это афанасьевская традиция, то должны выделиться устойчивые критерии, как для посуды яйцевидной и шаровидной формы с острым и округлым дном, и в целом плоскодонные сосуды по ряду признаков должны иметь большое сходство с обычными афанасьевскими. Подобное предположение основано на особенностях функционирования и распространения систем гончарной технологии (Бобринский, 1978, 1994, 1999, с. 48–74). Механизм адаптации к изменениям в системах технологии предполагает «встраивание» в готовом виде в используемую гончаром систему новых навыков труда. Наиболее частыми вещественными проявлениями «встраивания» являются и гибридные образования форм глиняной посуды (Бобринский, 1999, с. 53). Ранее уже отмечалось, что некоторые плоскодонные афанасьевские сосуды относятся к подобным гибридным формам, объединив типично афанасьевские и новые необычные черты (рис. 2.-1–4). Однако вопрос о том, выделяется ли плоскодонная керамика только формой дна или и по другим признакам, целенаправленно не рассматривался.

Методы и материалы

Исследования керамики выполнены в рамках историко-культурного подхода. Изучение орнамента, включающее отпечатки инструментов и реконструкцию их рабочего края, проведено с учетом разработок И.В. Калининой (Бобринский, 1978, 1999; Цетлин, 2012; Калинина, Устинова, 1990; и др.). Кроме того, использовались и другие методы, в том числе статистический, сравнительного анализа, классификации и типологии и др.

При разработке типологии были учтены результаты эксперимента, проведенного под руководством А.А. Бобринского (1999, с. 53–56). Суть эксперимента заключалась в том, что гончарам предлагалось изготовить горшки по эталону, включая незнакомые для них формы. В результате ни одному гончару не удалось полностью повторить эталон. Подобный эксперимент был проведен и И.Г. Глушковым с аналогичным результатом (Глушков, 1996, с. 322, рис. 174–178). Хотя сосуды и были похожи, но и двух одинаковых не оказалось. Разница была в пропорциях и размерах, различался угол между венчиком и туловом и т.д. В целом между изделиями разница была такой, что археологи в подобных случаях нередко выделяют типы керамики. В связи с этим при разработке типологии керамики необходимо учитывать наиболее устойчивые признаки, характеризующие комплекс. Для афанасьевских сосудов четко выделяются характерные признаки по форме дна (острое, округлое), тулова (яйцевидное, шаровидное), про-

порциям (соотношение расстояния от венчика (шейки) до самой раздутой части тулова к общей высоте сосуда).

Установлено, что ряд признаков, например оформление венчика, имеют второстепенный характер для разработки типологии афанасьевской керамики, несмотря на то что в их оформлении прослеживаются четкие и устойчивые традиции. Срез венчика бывает прямым или скругленным (рис. 1.-28), но одинаково характерен для остродонных и круглодонных, шаровидных и яйцевидных сосудов, не зависит от формы и размеров изделий и одинаков для посуды из погребений и поселений. Особенности в оформлении среза венчиков связаны с устойчивыми навыками их изготовления, которые сохранялись на всей территории Горного Алтая и характерны для большинства изделий с Енисея. Исследователи неоднократно обращали внимание на высоту венчика (Хлобыстина, 1975; Лазаретов, 2017). Значимость этого признака не вызывает сомнений, в частности, это одна из черт, отличающая алтайские и енисейские сосуды. Тем не менее установлено, что высота венчика не зависит от высоты и формы сосуда. У изделий из Горного Алтая она колеблется от 1,2 до 2,5 см, преимущественно 1,2–2,0 см (87%). Сосуды с венчиками выше 3 см или ниже 1 см единичны и, как правило, имеют и другие особенности, связанные с формой или орнаментом (Погожева и др., 2006, с. 131, табл. 5). В связи с тем, что оформление среза венчика одинаково для разных форм афанасьевских сосудов, оно не может быть использовано при разработке типологии и классификации керамики, но является одним из индикаторов культурной принадлежности сосудов. Необычные черты в оформлении венчиков заслуживают особого внимания, поэтому сосуды могут быть указаны в большинстве случаев при выделении типов изделий как отдельные варианты или отмечены как изделия с индивидуальными особенностями. Вопрос о том, с чем связаны различия в оформлении венчиков, включая их высоту, в данной работе не рассматривается, так как это отдельная тема.

В целом учтено более 170 афанасьевских сосудов из погребальных комплексов Горного Алтая и более 320 с Енисея. К сожалению, часть сосудов представлена отдельными фрагментами, о других нет достаточной информации.

Результаты изучения

Из-за специфики форм афанасьевских сосудов при разработке типологии у исследователей нет особых расхождений. Сосуды традиционно подразделяются на остродонные, круглодонные и плоскодонные, на яйцевидные и шаровидные. Как отдельный тип рассматриваются вазочки-курильницы (Цыб, 1984; Степанова, 2023).

Афанасьевские сосуды из Горного Алтая

Данные о формах есть по 122 целым или практически полностью реконструированным сосудам из погребальных комплексов Горного Алтая. Информация о части изделий получена только из публикаций, однако основные признаки учесть оказалось возможным. Предварительный анализ форм показал, что значимыми признаками являются форма дна и тулова в целом, пропорции изделий, в первую очередь расстояние от венчика до самой раздутой части тулова сосуда, которая расположена в пределах от 1/3 до 1/2 общей высоты сосуда (Погожева и др., 2006, табл. 3–5). Отмечено, что у сосудов с яйцевидным туловом дно может быть приостренным, округлым и в отдельных случа-

ях уплощенным (приплюснутым). Шаровидные сосуды различаются по оформлению дна: они имеют не только округлое или уплощенное дно, но приостренное и острое.

Изучение форм и размеров сосудов выявило, что разница между диаметром венчика и тулова у сосудов яйцевидной формы, как правило, составляет 2–3 см. Отклонения достаточно редки, и сосуды с иным соотношением выделяются и выглядят необычными, например те, у которых диаметр венчика и тулова почти одинаков. Для сосудов шаровидной формы разница между диаметрами венчика и тулова варьирует и в большинстве случаев составляет от 5 до 15 см. Нельзя не отметить, что очень крупные изделия из могильника Урускин Лог-1 имеют относительно небольшие диаметры венчика (Погожева и др., 2006, рис. 32; 41). В целом, несмотря на разницу размеров и форм шаровидных и яйцевидных сосудов, между диаметрами венчиков существенной разницы нет.

Как правило, к числу значимых признаков относятся угол между венчиком и плечом сосуда, профиль венчика. Однако у афанасьевских сосудов четких закономерностей или зависимости между вышеотмеченным углом и другими чертами не прослеживается, за исключением корчаг, где угол между венчиком и плечом составляет около 90° и всегда предполагает шаровидную форму изделия. Необходимо подчеркнуть, что форма и пропорции афанасьевских сосудов не зависят от их размеров.

Итак, по форме дна сосуды разделены на остродонные, круглодонные, плоскодонные, по форме тулова — на яйцевидные и шаровидные. Вазочки-курильницы в данной работе не рассматриваются.

Группа 1. Остродонные.

Учтено 87 экземпляров (71%). Выделено два типа.

Тип 1. Яйцевидной формы. 71 экземпляр (58%). Выделяется несколько вариантов.

Вариант 1. Расстояние от венчика до самой раздутой части тулова сосуда находится в пределах от 1/2 до 1/3 общей высоты сосуда. Высота венчика 1,5–2,0 см. 56 экземпляров (Нижний Тюмечин-1, огр. 6, 13, Первый Межелик-1, огр. 6/1 и др.) (рис. 1.-1–8).

Вариант 2. Пропорции сосудов аналогичны изделиям предыдущего варианта, но отличаются высотой венчика — около 4 см. Высота этих сосудов, как правило, выше 23 см, что необычно для изделий из погребальных комплексов. Шесть экземпляров (Ело-1, огр. 4, Бике-II, к. 2, Бойтыгем-1, к. 1 и др.) (рис. 1.-9).

Вариант 3. Наибольший диаметр тулова находится выше, чем у двух предыдущих вариантов сосудов. Расстояние от венчика до самой раздутой части тулова сосуда не более 1/3–1/4 от общей высоты сосуда. Высота венчика 1,2–2,0 см. Три экземпляра (Бертек-33, к. 2, Бойтыгем-2, к. 9, Нижний Тюмечин-1, огр. 7) (рис. 1.-10, 11). Они ближе других к сосудам с Енисея.

Вариант 4. Расстояние от венчика до самой раздутой части тулова сосуда находится в пределах от 1/2 до 1/3 общей высоты сосуда. Высота венчика ок. 2 см. В отличие от изделий предыдущих вариантов имеют более слабо выраженный переход от самой раздутой части тулова к шейке и венчику. Диаметры венчика и тулова близки. Эти сосуды, помимо внешнего сходства, объединяет и то, что у них тонкие стенки. Четыре экземпляра (Усть-Кулом, п. 14, Кара-Коба-1, огр. 7, Первый Межелик-1, огр. 2, Сальдя-1, о. 18) (рис. 1.-12–14).

Вариант 5. От сосудов варианта 4 их отличает низкий венчик (0,5–1,0 см) и приплюснутое или уплощенное дно диаметром около 2,5 см. Два экземпляра (Кара-Коба-1, о. 10, Сальдьяр-1, о. 17) (рис. 1.-15–16).

Сосуд из Кара-Кобы-1 изготовлен следующим способом: дно было вставлено в полое тело изнутри. Дно готового, но еще влажного сосуда намеренно деформировали и превратили из острого в уплощенно-приплюснутое.

Тип 2. Шаровидной формы. 16 экземпляров (Первый Межелик-1, огр. 6/2, 10, Бойтыгем-2, к. 7, 9, Чемал-3, к. 4, Чепош-3, к. 2, Урускин Лог-1, к. 1, Бойтыгем-2, к. 9 и др.) (рис. 1.-17–20).

Группа 2. С круглым дном.

Учтено 23 экземпляра. О двух сосудах известно только, что они были круглодонными (Сальдьяр-1, огр. 30 и Семисерт-7, к. 2).

Тип 1. Шаровидные. Основное их различие состоит в соотношении диаметров венчика и тулова.

Вариант 1. Диаметр венчика значительно меньше диаметра тулова (от 5 до 15 см). 13 экземпляров (Ело-Баши, огр. 1, Урускин Лог-1, огр. 2, к. 1, 3 и др.) (рис. 1.-21–23).

Вариант 2. Разница между диаметром венчика и тулова составляет 3–4 см. Четыре экземпляра (Кара-Коба-1, огр. 10, Сальдьяр-1, о. 34, Первый Межелик-1, огр. 9, Кызык-Глань-1, к. 33) (рис. 1.-24–26).

Вариант 3. По разнице между диаметрами венчика и тулова близки к изделиям варианта 2, но имеют «раздутое», но вытянутое тулово. Два экземпляра (Нижний Тюмечин-1, огр. 10 и Сальдьяр-1, огр. 8) (рис. 1.-27).

Вариант 4. Диаметр тулова близок к диаметру венчика (разница меньше 1,5 см). Два экземпляра (Кара-Коба-1, огр. 1).

Группа 3. Плоскодонные.

Учтено 12 экземпляров (10%), но из них о двух сосудах (Сальдьяр-1, к. 9 и Урускин Лог-2, к. 3) известно только то, что у них было плоское дно. Разделены на три типа, два из которых по своим параметрам в целом могут быть отнесены к горшкам или горшковидным изделиям, а третий — к баночным.

Тип 1. Горшковидной формы. Диаметр дна больше диаметра тулова в месте их соединения. Из-за этой особенности изделия этого типа часто называют сосудами «на поддоне». Три из них происходят из одного микрорайона. Четыре экземпляра (Нижний Тюмечин-1, огр. 10, 14, Кара-Коба-1, огр. 8, Кор-Кобы, к. 9) (рис. 2.-1–4).

Отметим, что сосуд из Кара-Кобы-1, огр. 8 происходит из погребения с признаками куротинского типа.

Тип 2. Горшковидной формы. Место соединения дна и тулова не выражено, заглажено. Два сосуда имеют ушки или ушко (Сальдьяр-1, к. 29 и Урускин Лог-1). У сосуда из Сальдьяра-1, к. 29 обломан венчик. Пять экземпляров (Сальдьяр-1, к. 29,37, Усть-Куюм, о. 18 (раскопки Е.М. Берс), Урускин Лог-1). Близок к ним плоскодонный сосуд с ушками из устья р. Куюм, найденный вне погребения (рис. 2.-5–8).

Тип 3. Баночного типа. С плоским дном, прямыми стенками и наделом-ушком без отверстия. В отличие от обычной банки высота сосуда в 2 раза меньше диаметра дна. Один экземпляр (Ело-Баши, огр. 5) (рис. 2.-13).

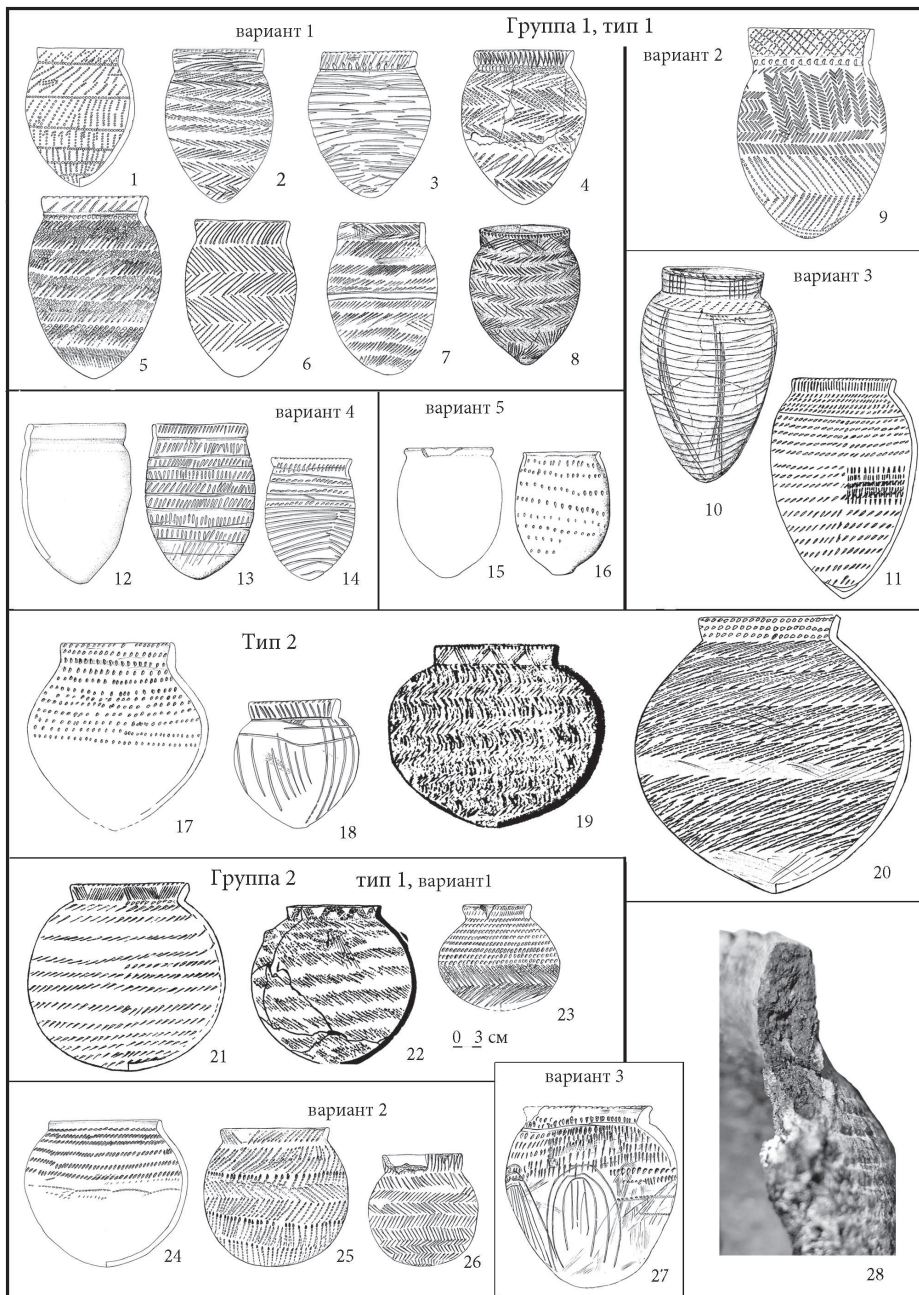

Рис. 1. Афанасьевские сосуды из Горного Алтая: 1–11 — с острым дном яйцевидной формы; 21–23 — с острым дном шаровидной формы; 21–27 — с круглым дном шаровидной формы; 28 — профиль венчика. По: (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014) (1–27)

Fig. 1. Afanasievo vessels from the Altai Mountains: 1–11 — with an egg-shaped pointed bottom; 21–23 — with a spherical pointed bottom; 21–27 — with a spherical round bottom; 28 — profile of the rim. By: (Vadetskaya, Polyakov, Stepanova), 2014 (1–27)

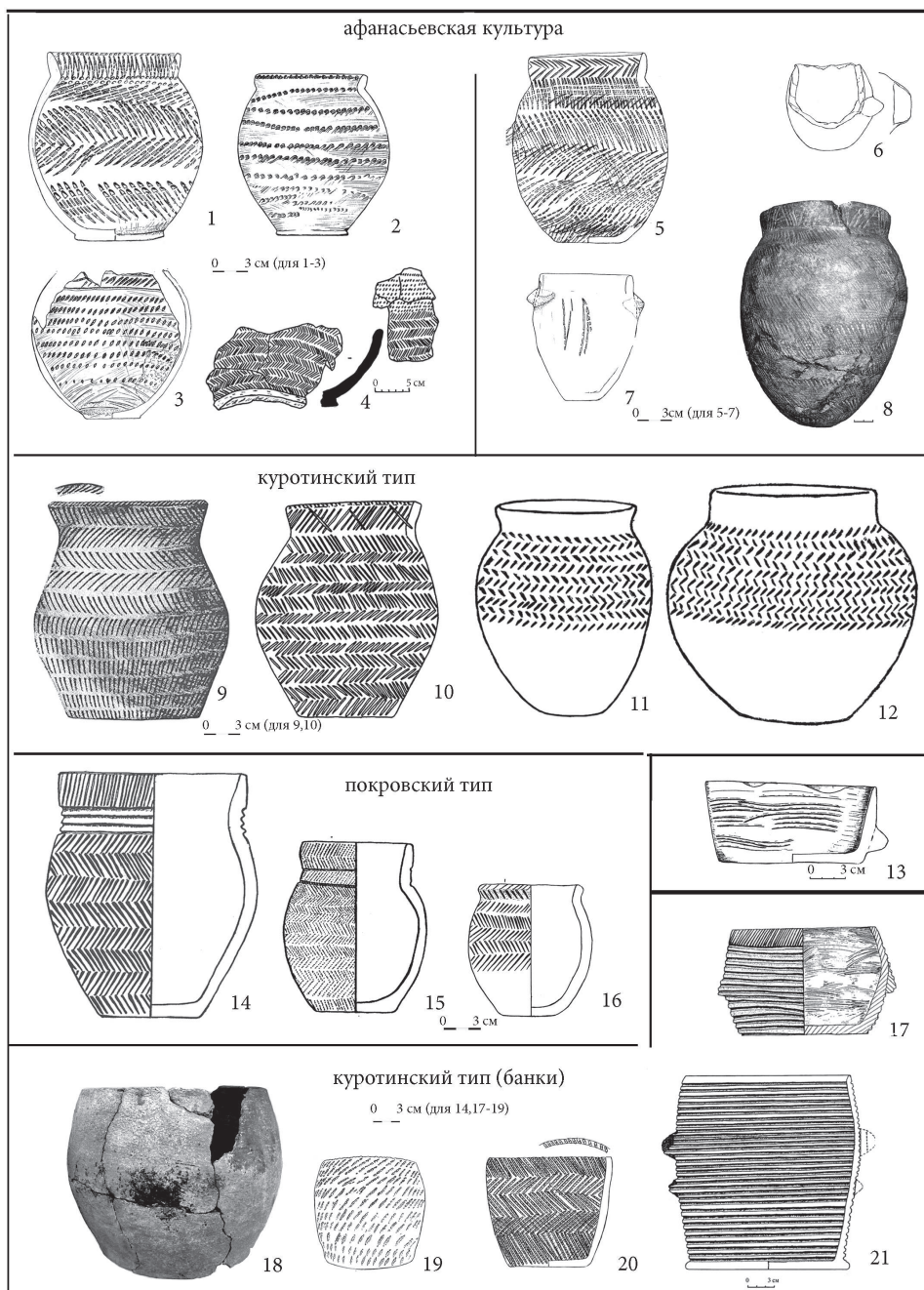

Рис. 2. Плоскодонная керамика из Горного Алтая: 1–8, 13 — афанасьевской культуры; 9–12, 17–21 — куротинского типа; 14–16 — покровского типа. По: (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014)
 Fig. 2. Flat-bottomed ceramics from the Altai Mountains: 1–8, 13 — Afanasievo culture; 9–12, 17–21 — Kurotinsky type, 14–16 — Pokrovsky type. By: (Vadetskaya, Polyakov, Stepanova, 2014)

Несмотря на малочисленность плоскодонных сосудов, они подразделяется на три типа. В первую очередь их различает оформление дна. Здесь можно говорить о разных традициях их изготовления. Вероятнее всего, у гончаров появился образец с плоским дном, которое они пытались воспроизвести. Три сосуда типа 1 различаются между собой высотой венчика, орнаментом, но необычное оформление дна свидетельствует об одной группе гончаров и о попытке изготавливать плоское дно. По обработке поверхности, обжигу три сосуда типа 1 (об одном информация имеется только в публикации) не отличаются от афанасьевских. Один из них, из Н. Тюмечина-1, входит в серию изделий, изготовленных одной группой мастеров (рис. 1.-4; 2.-1). Два других сосуда орнаментированы необычно для афанасьевских.

Дно у изделий второго типа прикреплено иначе, место соединения дна и тулова выровнено и заглажено. Сосуды различаются между собой: два из них украшены качалкой, а два — практически не орнаментированы, но имеют ушки, что необычно для афанасьевской керамики. В целом сосуды 1-го и 2-го типа, наряду с необычными чертами, имеют признаки, характерные для афанасьевской керамики, это не оставляет сомнений, что они изготовлены афанасьевскими гончарами. Сосуды типа 1 и два сосуда типа 2 (рис. 2.-1-5, 8) можно считать классическим вариантом изделий гибридной формы, так как наблюдается совмещение черт типично афанасьевских (оформление большей части изделия, венчика, орнамент, обжиг и др.) и новых — плоское дно.

В Горном Алтае плоскодонная посуда (горшки и банки) обнаружены в погребениях куротинского и покровского типа (рис. 2.-9-12, 14-21). В куротинских найдено четыре горшка (рис. 2.-9-12). Отметим, что, в отличие от афанасьевских, они имеют устойчивое дно, диаметр которого незначительно меньше диаметра самой раздутой части тулова, диаметр венчика близок к диаметру дна. Наиболее раздутая часть сосуда приходится на середину тулова или 1/2 от общей высоты изделия, немного ниже, чем у афанасьевских. От афанасьевских отличает и переход от шейки к тулову. Сосуд из Ело-1 заглажен иначе: нет характерных для афанасьевской керамики следов от предметов, оставляющих параллельные бороздки. Отличает орнамент — елочка, нанесенная инструментом с длиной рабочего края ок. 2 см, который глубоко вдавливали в поверхность изделия при нанесении узора.

В объектах покровского типа найдено три горшка (Шульга, 2006). Между собой они различаются по форме, пропорциям, высоте венчика. С куротинскими их сближает оформление дна. От афанасьевских отличает орнамент, в частности, использовались инструменты для нанесения узора другого типа (рис. 2.-14-16).

Плоскодонные сосуды (афанасьевские, куротинские и покровские) не составляют групп, объединенных устойчивыми признаками, как афанасьевские с острым дном. Выделяются лишь два сосуда (Ело-1, огр. 1 и Пещеркин Лог-1, к. 1), имеющих индивидуальное сходство (рис. 2.-9, 10). Если сравнить все сосуды с плоским дном, то различаются они между собой оформлением и высотой венчика, пропорциями, переходом от шейки к раздутой части тулова и по другим признакам, орнаменту. Орнамент (композиция, размеры рабочего края инструментов) сближает куротинские и покров-

ские сосуды и отличает от афанасьевских. Отсутствие признаков, объединяющих изделия в группы, говорит в пользу отсутствия единых традиций изготовления плоскодонных сосудов у афанасьевцев, в отличие от остродонных сосудов, которые очень похожи между собой.

Афанасьевские сосуды с Енисея

На Енисее найдено более 320 сосудов в погребениях, но для анализа форм оказалось возможным использовать данные о 273 изделиях. Сосуды подразделяются на яйцевидные и шаровидные с острым, округлым и плоским дном.

Группа 1. Остродонные

Учено 155 экземпляров (57%). По форме тулова выделяются два типа.

Тип 1. Яйцевидной формы. 143 экз. (52%).

Вариант 1. Расстояние от венчика до самой раздутой части тулова сосуда находится в пределах от 1/5 до 1/3 от общей высоты сосуда из могильников Карасук-III, Афанасьева Гора, Барсучиха-IV, Красный Яр-I, Сыда, Тесь и др. (рис. 3.-1-12).

Вариант 2. Расстояние от венчика до самой раздутой части тулова сосуда находится в пределах от 1/3 до 1/2 общей высоты сосуда. Четыре экземпляра из могильников Афанасьева Гора, Итколь-II, Барсучиха-IV (рис. 3.-13-16). Наиболее близки самой многочисленной серии афанасьевских сосудов из Горного Алтая.

Кроме того, выделяются сосуды по 1-3 экземпляра с необычными признаками, например с диаметром венчика незначительно меньше диаметра тулова (рис. 3.-10, 11) или с небольшим диаметром венчика по отношению к диаметру тулова (рис. 3.-12), с максимальным диаметром тулова практически сразу под венчиком (рис. 3.-17, 19), без отогнутого венчика или сосуда закрытой формы (рис. 3.-20). Некоторые из них орнаментированы необычно для афанасьевских. Как правило, для таких сосудов отмечено несколько необычных признаков, что свидетельствует также о навыках гончаров, которые не могли изготовить керамику со стандартным набором черт.

Тип 2. Шаровидной формы, Различаются расстоянием от венчика до наиболее раздутой части тулова — 1/2 до 1/4 от общей высоты изделия. Есть различия в соотношении диаметров венчика и тулова (рис. 3.-21-23). 12 экземпляров (могильники Карасук-III, Итколь-II, Сыда и др.).

Группа 2. С круглым дном.

Учен 71 экземпляр (26%) — могильники Афанасьева Гора, Барсучиха-IV, Карасук-III и др.). По форме тулова выделяются два типа.

Тип 1. Шаровидной формы. 66 экземпляров (Афанасьева Гора, Карасук-III, Красный Яр-I, Барсучиха-IV, Малиновый Лог и др.) (рис. 3.-25-31).

Различаются по расстоянию от венчика до самой раздутой части тулова от 1/4 до 1/2 от общей высоты сосуда, по соотношению диаметров венчиков и тулова, оформлению дна и придонной части.

Тип 2. Яйцевидной формы. Расстояние от венчика до самой раздутой части тулова приходится на середину высоты сосуда. Пять экземпляров (Афанасьева Гора, Малые Копены и др.) (рис. 3.-24).

Группа 3. Плоскодонные.

В общей сложности учтено 47 экземпляров (17%). Сосуды с плоским дном выявлены на 13 памятниках. Наиболее многочисленные коллекции получены с могильников Карасук-III (8 экз.) и Летник-VI (12 экз.)¹.

Тип 1. Сосуды яйцевидной формы, близкие по своим параметрам к остродонным (тип 1), включая орнамент. Различаются между собой по диаметру дна, высоте венчика, наличию ушек и другим признакам. 14 экземпляров.

Вариант 1. С вытянутым туловом, но с небольшим плоским дном (диаметром от 2–3 см), которое не могло придать устойчивость сосуду. Семь экземпляров (Итколь-II, Афанасьева Гора, Летник-VI) (рис. 4.-1, 4, 9, 12, 31, 32, 33).

Вариант 2. С вытянутым туловом, но с диаметром дна в 2–3 раза больше, чем у изделий варианта 1, но меньше диаметра венчика. Семь экземпляров (Карасук-III, Маиновый Лог) (рис. 4.-2, 3, 5, 10, 11, 30, 34).

Тип 2. Шаровидной формы, близкие по своим параметрам к афанасьевским круглодонным (тип 1). Различаются соотношением между диаметрами венчика, тулова и дна, высотой венчиков. 16 экземпляров (Карасук III, Красный Яр I, Сыда и др.) (рис. 4.-13–17).

Отметим, что некоторые шаровидные изделия имеют уплощенное дно, почти плоское, однако это следствие технологического процесса, а не целенаправленного изготовления плоского дна.

Тип 3. Горшки. 10 экз.

При визуальном осмотре и частично на рисунках видно, что дно прикреплялось по-разному. В нескольких случаях установлено, что оно изготавливалось отдельно, диаметр его был незначительно больше диаметра придонной части в месте их соединения (рис. 4.-21). В других переход от тулова ко дну не прослеживается, так как произведена дополнительная обработка и, вероятно, крепление дна произведено с внутренней стороны сосуда. Статистических данных по поводу прикрепления дна привести невозможно без дополнительных исследований.

Вариант 1. Близкие по своим параметрам к афанасьевским остродонным, а также плоскодонным типа 1, но, в отличие от них, с укороченным туловом. Три экземпляра (Пистах, Камышта, Барсучиха-IV) (рис. 4.-6–8).

Вариант 2. От предыдущего варианта отличаются соотношением диаметров венчика, тулова и дна. На рисунках дно изображено ровным и утолщенным, стенки толстые. Однако при визуальном обследовании установлено, что дно чаще неровное. Предварительное обследование показало, что у них иначе оформлены венчики, другие традиции в заглаживании. Отличаются от предыдущего варианта и необычным орнаментом. Четыре экземпляра (Карасук-III, Летник-VI, Моисеиха) (рис. 4.-18, 19, 22, 23).

Вариант 3. Диаметр дна в 2 раза меньше диаметра венчика и в 3 раза — диаметра тулова, орнамент нанесен уголкообразно лопаточки. Один экземпляр (Афанасьева Гора) (рис. 4.-20).

¹ Керамика с могильника Летник-VI включена, однако плоскодонные сосуды заметно отличаются от обычных афанасьевских не только по форме, но и обработке поверхности, орнаменту и другим признакам. Вопрос культурной принадлежности ряда погребений должен быть рассмотрен в отдельной работе, но поскольку авторы публикации отнесли их к афанасьевской культуре, сосуды в данном случае учитываются.

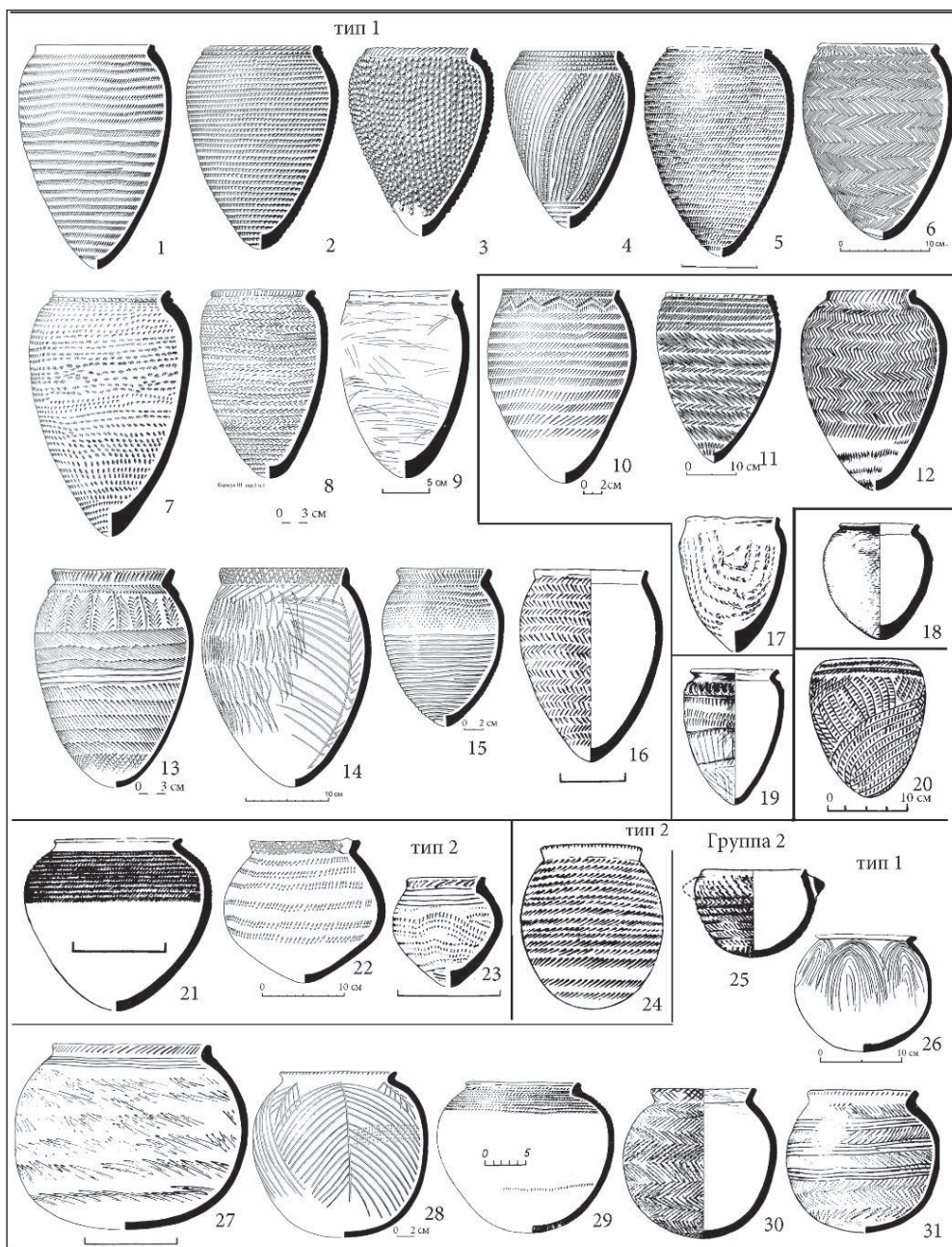

Рис. 3. Афанасьевская керамика со Среднего Енисея: 1–20 — с острым дном яйцевидной формы; 21–23 — с острым дном шаровидной формы; 24 — с круглым дном яйцевидной; 25–31 — с круглым дном шаровидной формы. По: (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014)
 Fig. 3. Afanasevskaya pottery from the Middle Yenisei: 1–20 — with a pointed bottom of an egg-shaped form; 21–23 — with a pointed bottom of a spherical form; 24 — with a round bottom of an egg-shaped; 25–31 — with a round bottom of a spherical form. By: (Vadetskaya, Polyakov, Stepanova, 2014)

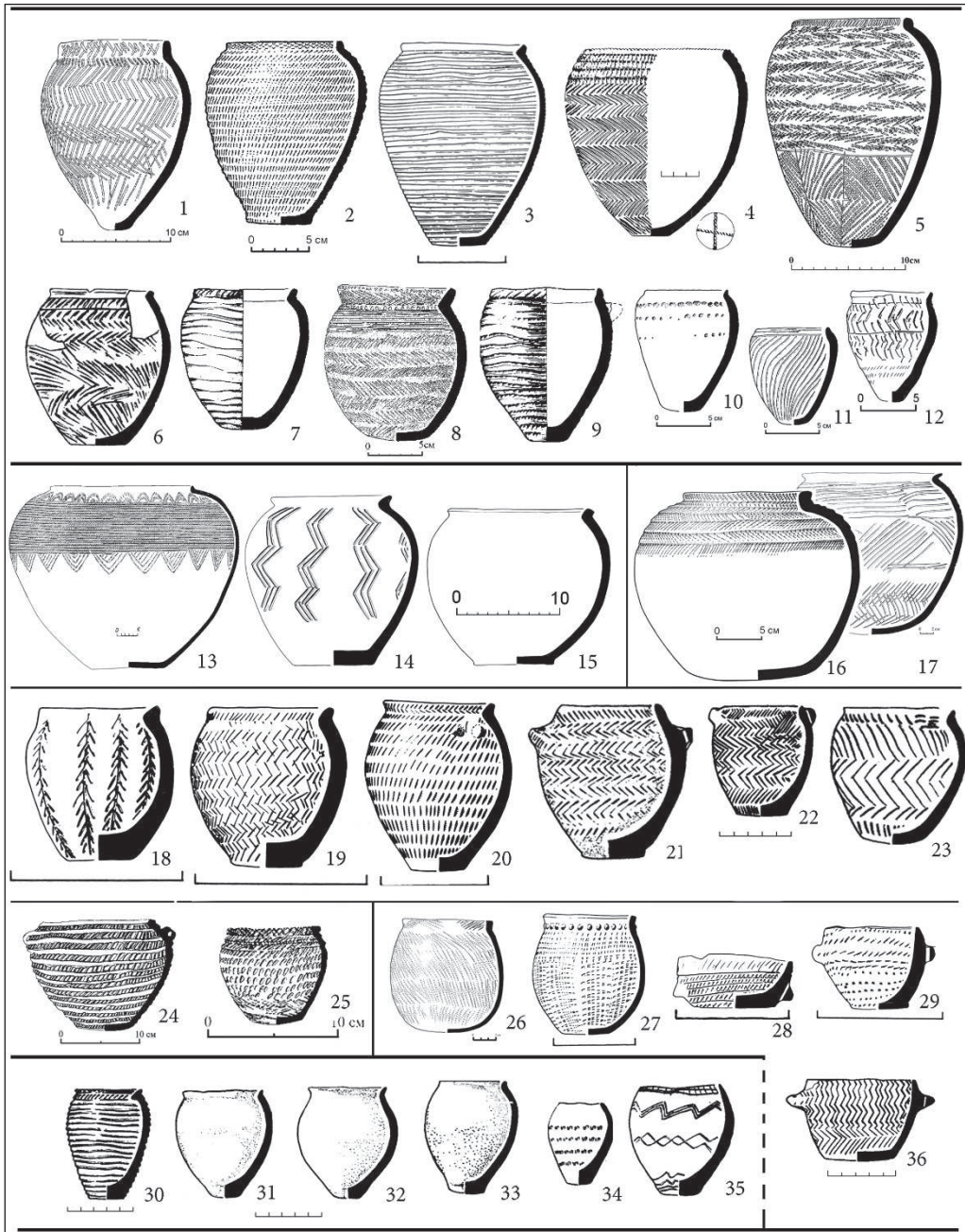

Рис. 4. Афанасьевская керамика с плоским дном со Среднего Енисея.

По: (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014) (1–8, 10–36); (Грязнов, 1990) (9)

Fig. 4. Flat-bottomed Afanasievo pottery from the Middle Yenisei.

By: (Vadetskaya, Polyakov, Stepanova, 2014) (1–8, 10–36); (Gryaznov, 1999) (9)

Вариант 4. Нет значительного различия между диаметрами венчика, тулова и дна. Два экземпляра из могильника Афанасьева Гора, м. 24 (рис. 4.-26, 27).

Тип 4. Банки. Семь экземпляров.

Вариант 1. Банки открытого типа с ушками. Два экземпляра (Карасук-III, Летник-VI) (рис. 4.-29, 36).

Вариант 2. В отличие от обычной банки высота сосуда в 2 раза меньше диаметра дна. С плоским дном, прямыми стенками и с двумя ушками с отверстием. Один экземпляр (Карасук-III) (рис. 4.-28).

Вариант 3. Банка закрытого типа. Один экземпляр (Летник-VI) (рис. 4.-35).

Вариант 4. Сосуд, близок к банкам закрытого типа, с четко выделенным дном небольшого диаметра, с крупными ушками-ручками с отверстиями. Один экземпляр (Летник-VI) (рис. 4.-21).

Вариант 5. Банки (миски) закрытого типа, напоминают афанасьевские сосуды, но с укороченным туловом и невыраженным венчиком. Два экземпляра (Моисеиха) (рис. 4.-24, 25).

Анализ форм изделий этой группы показывает, что более 70% из них близки к обычным афанасьевским, основное отличие — наличие плоского дна. Лишь несколько изделий (баночного типа) относятся к абсолютно новым формам для афанасьевской керамики. В то же время между собой плоскодонные сосуды различаются по многим признакам (форме, длине тулова, размерам дна, орнаменту и т.д.). Некоторые из них имеют ушки.

Обсуждение результатов

Как в Горном Алтае, так и на Енисее преобладают сосуды яйцевидной формы с острым дном (58% и 52%). Основное отличие афанасьевской керамики алтайского и енисейского локальных вариантов состоит в пропорциях изделий и высоте венчика. В частности, расстояние от венчика до наиболее раздутой части тулова алтайских сосудов в пределах от 1/3 до 1/2 общей высоты сосуда, енисейских — ок. 1/5–1/3 от высоты сосуда (Степанова, 2010, с. 182; 20126, с. 189). Из остродонных яйцевидной формы учтено всего четыре изделия с Енисея, которые имеют похожие характеристики с основной алтайской серией, а в Горном Алтае три сосуда близки по своим показателям основной группе с Енисея. Для сосудов енисейского локального варианта характерны низкие венчики (до 1 см и редко выше) по сравнению с алтайскими афанасьевскими (от 1,2 до 2,5 см).

В каждом регионе большая часть яйцевидных сосудов с острым дном очень похожи между собой, их отличают незначительные детали или орнамент (рис. 1.-1–7; 3.-1–10, 16). Это свидетельствует о высоком уровне навыков гончаров в изготовлении глиняной посуды, которые создавали аналогичные изделия, что не удалось гончарам из экспериментов, проведенных А.А. Бобринским и И.Г. Глушковым (Бобринский, 1999, рис. 10, 11; Глушков, 1996, рис. 174–178). Навыки не могут быть устойчивыми, если гончар лишь от случая к случаю занимается изготовлением посуды, а афанасьевские мастера были умелыми гончарами. В то же время в коллекциях есть необычные сосуды с острым дном, которые отличаются пропорциями, оформлением венчика, орнаментом и другими признаками и явно изготовлены мастерами, не обладающими достаточными навыками в изготовлении посуды подобного типа (рис. 1.-15–16; 3.-17, 19).

На Енисее сосудов с плоским дном найдено больше, чем в Горном Алтае (17% и 10%). В коллекции енисейского варианта имеются сосуды с миниатюрными доньшками (диаметром 2–3 см) и баночного типа, а на Алтае таких изделий нет. Общее проявляется в разных приемах крепления дна сосуда к тулову. На Енисее также зафиксированы случаи, когда днище немного больше придонной части в месте их соединения, хотя это и не так ярко выражено, как на алтайских изделиях. Особое место занимают две необычных укороченных банки с ушками из Ело-Баши, огр. 5 и Карасука-III, огр. 9, сходство которых исключает случайное совпадение (рис. 2.-13; 4.-28).

Сравнительный анализ показывает, что между собой плоскодонные сосуды различаются по многим признакам (форме тулова, размерам дна, пропорциям, высоте венчиков, орнаменту). Изделия из Горного Алтая разделены на три типа, которые включают 1–5 экземпляров, а енисейские — на четыре типа, каждый из которых включает несколько вариантов с количеством 1–7 экземпляров. Это свидетельствует, что среди новых (гибридных) форм посуды не было доминирующих.

В целом плоскодонные изделия могут быть разделены на две группы: 1) афанасьевские, у которых заменено острое дно на плоское (рис. 2.-1–8; 4.-1–16), и 2) горшки и банки, отличающиеся от афанасьевских по форме, оформлению венчика, размерам дна, орнаменту и другим деталям (рис. 2.-9–12; 4.-18–36). Очевидно, что сосуды с плоским дном афанасьевские гончары начали изготавливать после того, как у них появился образец для подражания, вероятнее всего, уже на территории Горного Алтая и Енисея. В то же время сосуды с разной формой дна в некоторых случаях изготовлены одной группой мастеров, например, на могильнике Нижний Тюмечин-1 два сосуда с острым дном и один — с плоским (Степанова, 2012б) (рис. 1.-4; 2.-1).

Обобщая полученные данные, отметим, что результаты изучения плоскодонной посуды свидетельствуют о ее относительно позднем характере. Однако в настоящее время нет данных о том, как быстро появилась подобная посуда у афанасьевского населения после его проникновения в Горный Алтай и на Енисей. В то же время появление этого типа посуды свидетельствует об изменениях в жизни афанасьевского населения. Это могло быть как заимствованием новых форм посуды вследствие контактов с инокультурным населением, так и отражением других процессов, происходивших в жизни этого населения.

Анализ керамических комплексов говорит об аналогичных процессах в изготовлении и орнаментации керамики, происходивших у афанасьевцев в Горном Алтае и на Енисее. Зафиксирована одинаковая традиция в оформлении венчиков, которая, вероятно, сложилась еще до проникновения афанасьевцев в Горный Алтай и на Енисей. Ранее уже было отмечено особое сходство керамики двух регионов по ряду признаков (способы нанесения орнамента, выбор инструментов для его нанесения), баночные сосуды из Ело-Баши и Карасука-III (Степанова, 2010, 2012б). Особое значение имеют инструменты для нанесения орнамента, которые не могли сохраняться столетиями без изменений. На территории обоих регионов найдены отпечатки аналогичных орнаментов, как распространенных, так и редко встречающихся (Степанова, 2010, рис. 5). Непытному мастеру крайне сложно изготовить похожие инструменты, что подтверждено экспериментами (Волкова, 1998). Даже если мастера изготавливали похожие инструменты, а судя по оттискам на керамике, орнаментеры очень похожи (Степанова, 2012а),

то такие инструменты не могли существовать по несколько десятилетий и дольше, так как они со временем утрачивались, приходили в негодность. За длительный срок неизбежно должны накапливаться изменения в оформлении рабочего края орнаментированных, которые можно зафиксировать, а в данном случае это не прослеживается. В то же время мы наблюдаем гибридные формы афанасьевской керамики, новое в ее орнаментации (необычные инструменты, способы, мотивы), что как раз и подтверждает, что изменения в изготовлении и орнаментации керамики происходили.

Все эти общие черты не могли возникнуть случайно и не могут быть простым совпадением. Наиболее вероятное объяснение этому — близкое по времени появление групп родственного населения на территории этих регионов.

Заключение

Подводя итог, необходимо сказать, что результаты изучения афанасьевской керамики свидетельствуют о появлении новых навыков в ее изготовлении и гибридных форм посуды. Выделить этапы в развитии культуры по результатам изучения керамики по-прежнему не удастся. Отметим, что на Енисее более заметно появление новых черт на большинстве памятников. Выделяются могильники Карасук-III и Летник-VI. Сосуды с Карасука-III имеют аналогии на целом ряде памятников, что свидетельствует о связях населения (Степанова, 2013, 2020). Коллекция Летника-VI также имеет аналогии на других могильниках, но выглядит она более необычной, в том числе из-за большего количества сосудов с плоским дном, их оригинальных форм и орнамента (почти нет традиционной афанасьевской качалки) (Пшеницына, 2014). Вероятнее всего, могильник Летник-VI — один из наиболее поздних афанасьевских, исследованных в настоящее время. В Горном Алтае плоскодонная посуда также найдена на большинстве памятников (Нижний Тюмечин-1, Первый Межелик-1, Кара-Коба-1, Сальдяр-1, Усть-Куюмский могильник и др.), хотя по 1–2 сосуда. Тем не менее факт, что на большинстве погребальных комплексов зафиксированы такие сосуды, говорит о широком распространении этого явления.

На сегодняшний день сложнее всего объяснить разницу радиоуглеродных дат енисейского и алтайского вариантов афанасьевской культурно-исторической общности. Зафиксирован ряд аналогичных процессов в особенностях изготовления и орнаментации керамики, которые не могут быть случайным совпадением, но могут быть связаны с одновременным проникновением некоторых групп афанасьевцев в Горный Алтай и на Средний Енисей или с контактами населения. С накоплением новых данных хронологические рамки афанасьевской культуры будут скорректированы, и большинство памятников, с которых сейчас имеются радиоуглеродные даты, будут датированы с минимальным разрывом, так как керамические комплексы свидетельствуют о близком их сооружении, что подтверждается и данными палеогенетиков (Степанова, Поляков, 2019). Дальнейшее изучение керамики, как особого вида источников, перспективно для решения вопросов, связанных с датировкой памятников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Отражение эволюционных и миграционных процессов в особенностях древней гончарной технологии // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 14.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара : Изд-во Самарского пед. ун-та, 1999. С. 5–109.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул : Азбука, 2014. 380 с.

Волкова Е.В. Древняя глиняная посуда, изготовленная одним мастером (методика выделения и анализ) // Тверской археологический сборник. Тверь : ТГОМ, 1998. № 3. С. 135–146.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 136 с.

Калинина И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитическо-энеолитической керамики Уральского региона // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Искусство, Ленинградское 1990. С. 7–19 (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 30)

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.

Лазаретов И.П. К относительной хронологии афанасьевской культуры Среднего Енисея или хорошо забытое старое // Древности Сибири и Центральной Азии. Т. 8 (20). Горно-Алтайск : ГАГУ, 2017. С. 8–34.

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул : Азбука, 2006. 234 с.

Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Проблема радиоуглеродной хронологии афанасьевской культуры и новые данные // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2019. С. 181–187.

Пшеницына М.Н. Памятники афанасьевской культуры в могильнике Летник VI на юге Хакасии // Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул : Азбука, 2014. С. 346–368.

Степанова Н.Ф. Некоторые итоги статистического анализа признаков погребального обряда афанасьевской культуры Горного Алтая // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 121–125.

Степанова Н.Ф. Особенности погребального обряда мужских, женских и детских захоронений афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблемы археологии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIV. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 256–259.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различие) // Афанасьевский сборник. Барнаул : Азбука, 2010. С. 177–187.

Степанова Н.Ф. Первые результаты изучения инструментов для нанесения орнамента по их отпечаткам на афанасьевской керамике (по материалам погребальных

комплексов из Горного Алтая) // Игорь Геннадьевич Глушков. Ханты-Мансийск : Печатный мир, 2012а. С. 43–50.

Степанова Н.Ф. Проблемы хронологии афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник 2. Барнаул : Азбука, 2012б. С. 183–195.

Степанова Н.Ф. К вопросу об относительной хронологии афанасьевских памятников Енисея (по материалам керамических комплексов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск, 2013. с. 323–327.

Степанова Н.Ф. Проблема относительной хронологии афанасьевских памятников Енисея // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара : СГСПУ, 2020. Т. 1. С. 341–343.

Степанова Н.Ф. Курильницы с афанасьевских поселений из Горного Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 4. С. 147–158.

Степанова Н.Ф., Поляков А.В. Могильник афанасьевской культуры Карасук-III: результаты новых исследований // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. II. СПб. : ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 74–77.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // Советская археология. 1975. № 1. С. 17–33.

Шульга П.И. Погребения эпохи энеолита-бронзы в долине Сентелека // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 47–72.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М. : ИА РАН, 2012. 384 с.

Цыб С.В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 38–51.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984. 19 с.

REFERENCES

Bobrinsky A.A. Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study. Moscow : Nauka, 1978. 272 p. (*In Russ.*)

Bobrinskii A.A. Reflection of Evolutionary and Migration Processes in the Features of Ancient Pottery Technology. In: Paleodemography and Migration Processes in Western Siberia in Ancient Times and the Middle Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1994. P. 14. (*In Russ.*)

Bobrinsky A.A. Pottery Technology as an Object of Historical and Cultural Study. In: Actual Problems of Studying Ancient Pottery. Samara : Izd-vo Samarskogo ped. un-ta, 1999. Pp. 5–109. (*In Russ.*)

Vadetskaya E.B., Polyakov A.V., Stepanova N.F. A Set of Sites of the Afanasievo Culture. Barnaul : Azbuka, 2014. 380 p. (*In Russ.*)

Volkova E.V. Ancient Pottery Produced by One and the Same Maker (selection and analysis). In: Tver Archaeological simposium. Tver' : TGOM, 1998. № 3. Pp. 135–146. (*In Russ.*)

Glushkov I.G. Ceramics as an Archaeological Source. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 1996. 328 p. (*In Russ.*)

Gryaznov M.P. The Afanasievo Culture on the Yenisei River. Saint Petersburg : Dmitriy Bulanin, 1999. 136 p. (*In Russ.*)

Kalinina I.V., Ustinova E.A. Technological Classification of Neolithic-Chalcolithic Ceramics Ornaments in the Ural Region. In: The State Hermitage Museum Archaeological Collection. Leningrad : Iskusstvo, 1990. Pp. 7–19 (Materials and Research on the Archaeology of the USSR. Issue 30) (*In Russ.*)

Kiselev S.V. The Ancient History of Southern Siberia. Moscow : Izd-vo AN SSSR, 1951. 642 p. (*In Russ.*)

Lazaretoy I.P. To the Relative Chronology of the Afanasievo Culture of the Middle Yenisei or Well-Forgotten Old. In: Antiquities of Siberia and Central Asia. Vol. 8 (20). Gorno-Altai : GAGU, 2017. Pp. 8–34. (*In Russ.*)

Pogozheva A.P., Rykun M.P., Stepanova N.F., Tur S.S. Age of Eneolithic and Bronze of the Altai Mountains. Part 1. Barnaul : Azbuka, 2006. 234 p. (*In Russ.*)

Polyakov A.V., Svyatko S.V., Stepanova N.F. The Problem of the Radiocarbon Chronology of the Afanasievo Culture and New Data. In: Phenomena of the Cultures of the Early Bronze Age in the Steppe and Forest-Steppe Zones of Eurasia: Ways of Cultural Interaction in the 5th-3rd Millennia BC. Orenburg : Izd-vo OGPU, 2019. Pp. 181–187. (*In Russ.*)

Pshenitsyna M.N. Monuments of the Afanasievo Culture in the Letnik-VI Burial Ground in Southern Khakassia. In: Vadetskaya E.B., Polyakov A.V., Stepanova N.F. A Set of Sites of Afanasievo Culture. Barnaul : Azbuka, 2014. Pp. 346–368. (*In Russ.*)

Stepanova N.F. Some Results of Statistical Analysis of the Signs of the Funeral Rite of the Afanasievo Culture of the Altai Mountains. In: Western and Southern Siberia in Antiquity. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Pp. 121–125. (*In Russ.*)

Stepanova N.F. Features of the Funeral Rite for Male, Female, and Child Burials of the Afanasievo Culture of the Altai Mountains. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Vol. XIV. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2008. Pp. 256–259. (*In Russ.*)

Stepanova N.F. The Afanasievo Culture of the Altai Mountains and the Yenisei River: Funeral Rites and Ceramics (Similarities and Differences). In: The Afanasievo Collection. Barnaul : Azbuka, 2010. Pp. 177–187 (*In Russ.*)

Stepanova N.F. The First Results of Studying the Tools Used to Apply Ornamentation Based on Their Imprints on Afanasievo Pottery (based on the materials of burial complexes from Gorny Altai). In: Igor Gennadievich Glushkov. Khanty-Mansiisk : Pechatnyj mir, 2012a. Pp. 43–50. (*In Russ.*)

Stepanova N.F. Problems with the Chronology of the Afanasievo Culture. In: The Afanasievo Collection 2. Barnaul : Azbuka, 2012b. Pp. 183–195. (*In Russ.*)

Stepanova N.F. On the Relative Chronology of the Afanasievo Sites of the Yenisei River (Based on Ceramic Complexes In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology

of Siberia and Neighboring Territories. Vol. XIX. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2013. Pp. 323–327. (*In Russ.*)

Stepanova N.F. The Problem of the Relative Chronology of the Afanasievo Sites of the Yenisei. In: Proceedings of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara. Samara : SGSPU, 2020. Vol. 1. Pp. 341–343. (*In Russ.*)

Stepanova N.F. Censers from Afanasievo Settlements from the Altai Mountains. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2023;35(4):147–158. (*In Russ.*)

Stepanova N.F., Polyakov A.V. The Karasuk-III Burial Ground of the Afanasiev Culture: Results of New Research. In: Antiquities of Eastern Europe, Central Asia, and Southern Siberia in the Context of Connections and Interactions in the Eurasian Cultural Space (New Data and Concepts). Vol. II. Saint Petersburg : IIMK RAN, Nevskaya Tipografiya, 2019. Pp. 74–77. (*In Russ.*)

Khlobystina M.D. The oldest burial grounds of Gorny Altai. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1975;1:17–33. (*In Russ.*)

Shul'ga P.I. Chalcolithic-Bronze Age Burials in the Sentelek Valley. In: Burial and Settlement Complexes of the Bronze Age in the Altai Mountains. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Pp. 47–72. (*In Russ.*)

Tsetlin Yu.B. Ancient Pottery. Theory and Methods of the Historical and Cultural Approach. Moscow : IA RAN, 2012. 384 p. (*In Russ.*)

Tsyb S.V. The Early Group of Afanasievo Sites and the Origin of the Afanasievo Culture. In: Ancient History of the Altai. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1980. Pp. 38–51. (*In Russ.*)

Tsyb S.V. Afanasievo Culture of Altai: abstract dis. ... Cand. Hist. Sciences. Kemerovo, 1984. 19 p. (*In Russ.*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Степанова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия; старший научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Nadezhda F. Stepanova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Laboratories of Interdisciplinary Study of Archaeology of Western Siberia and Altai, Altai State University, Barnaul, Russia; Senior Researcher of Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 17.11.2025;
одобрена после рецензирования 29.11.2025;
принята к публикации 04.12.2025.
The article was submitted 17.11.2025;
approved after reviewing 29.11.2025;
accepted for publication 04.12.2025.*